

Сколько в человеке памяти, столько в нём и человека

Сегодня в Кемеровской области, согласно «Закону об охране памятников истории культуры», насчитывается более 1200 охраняемых государством памятников и памятных знаков,

Что знаем мы о них! Каковы вообще критерии, по которым тот или иной объект становится памятником истории!

Наш сибирский собеседник Мэри Кушникова — заслуженный работник культуры России, член Союза писателей, краевед, искусствовед, автор двадцати книг — документальных, художественных, исторических.

Материал Клары ВЕЙЦ читайте на 6-й странице.

Сколько в человеке памяти...

Окончание.
Начало на 1-й стр.

За почти тридцать лет, что Мэри Моисеевна живет в Кемерове, все эти годы она неустанно занимается выявлением и сохранением историко-культурного наследия Кузнецкого края.

— **Мэри Моисеевна, в советские времена во всякие учреждения, помнитесь, приходили люди или человек и собирали со всех взносы. Книжечки вручали, марки наклеивали. И все мы, студенты, служащие, как бы автоматическим образом становились членами «Общества охраны памятников». Особенно не задумываясь, что это и где, куда это трубка пойдет. Потом все это прекратилось. Скажите, а сегодня это общество существует!**

— Да, существует. Кемеровское областное отделение Всероссийского общества — с 1966 года, а с 87-го и по сей день его возглавляет Сергей Степанович Плетнев, вот уже 15 лет отдающий работе все свои силы и энергию. И я, ваш покорный

слуга, по сей день член общества, в начале 80-х несколько лет была штатным работником. На последнем съезде «Общества...» в Москве, в 1997 году, когда по России к тому времени позакрывалась почти половина отделений, наше было признано лучшим, и я была награждена «Знаком отличия» за особые достижения.

— **Ну, кого награждать, если не вас. Все, кто мало-мальски историей и культурой края интересуется, помнят ваши «акции», читали о них. Спасение церковей, защита дома Достоевского, дома Губкиных, цикл телепередач «Душа вещей» — порой это напоминало бои местного значения. Носкайте, как и почему вы, приехав в Кемерово и будучи «чужим» человеком, приняли открывать глаза кузбассовцам на собственную историю! В самое советское, «непоповское» время — защищать церкви! Составлять справочники «Памятники Кемеровской области»!**

— Мне было очень интерес-

но. Ведь в Кузбассе обнаружила я такие потрясающие для историка и краеведа пласты, которые были почти не исследованы. Вижу памятник Бардину. Ну да, говорят, известный металлург КМК. А я читаю у Эренбурга «День второй» и понимаю, сколько недописал он, хотя для своего времени написал слишком много. Кузнецкстрой — какое переплетение судеб, истории. А в Новокузнецком краеведческом музее вижу фотографию Льва Толстого с Валентином Булгаковым, его последним секретарем. Как, почему здесь — не знают. Я объехала всю область, и не было такой дыры, которую бы пропустила. И везде — кладезь тем и материалов. Историческое ядро деревянного Мариинска, полуразрушенные церкви по деревням. С тогдашним главным архитектором области Григорием Александровичем Глотовым мы составили список «Свода памятников» и добились, чтобы его утвердили.

— **Что нужно, чтобы на доме, например, появилась табличка**

«Охраняется государством!» Как вы критерии, по которым место, дом или объявляется официально памятником истории культуры!

— Работники «Общества...» выпускали справочники «Памятники Кемеровской области» в той или иной степени грамотные. Часто — дилетантские. Ну, например, дом Достоевского был назван «Домом Исаевой». Почему? А мне объясняют, что, мол, он, дом, принадлежал ей, жене Федора Михайловича. Но ведь если копнуть, то он до Исаевой принадлежал сапожнику Дмитриеву. И что, на табличке вместо Достоевского указать имя сапожника? Описания в справочниках тоже были скучными. Тот же Дворец труда, построенный в 1927 году за рекордно короткие полтора к 10-летию революции, — это же такая история. Ведь до тех пор, пока он стал драмтеатром, филармонией, нынче колледжем культуры, там прошел и первый расстрельный процесс Кузеванова как пролог к 37-му году. Он был домом-героем в годы Великой Отечественной.

Что касается таблички, то мы руководствуемся «Законом об охране памятников...», в котором масса статей. Памятник — либо место захоронения человека, чьи дела, деяния, вклад в историю общества достойны государственной памяти. Либо памятник архитектуры, представляющий историческую, художественную, эстетическую ценность. Объект из «Списка...» утверждается, берется под охрану государством, вывешивается табличка.

— **Когда перестали собирать взносы, стали распадаться первичные организации, наверное, сокращать штаты, как стало работать общество!**

— Да, финансирование прекратилось. Взносы, которые шли на реставрацию, установление досок, выпуск справочников — их не стало. Но зато открылись архивы, почти недоступные до конца 80-х годов. Тогда мы с Плетневым нашли форму, на стоящую «казенных» денег. Написание и издание книг по исто-

рии культуры, памятников, наследия прошлого. Издавали книги на личные средства, иногда с помощью администрации области. В соавторстве с Вячеславом Тогулевым, писателем, историком, архивистом, появились наши книги по истории Кемерово, «Красная горка», «Кемерово и Сталинск. Панорама провинциального быта». Мои книги о Достоевском «Кузнецкий венец», «Грозное чувство», «Черный человек сочинителя Достоевского»... Книги пользуются большим спросом, приобретаются Новосибирском, Москвой, библиотеками Калифорнии, Австралии, Голландии... У историков и краеведов на наши книги, особенно об АИКЕ «Кузбасс», разные точки зрения. Но есть музей-заповедник «Красная горка» в Кемерове, люди знакомятся с историей города, и все наши усилия не напрасны.

— **Мэри Моисеевна, во дворе вашего дома — дом Губкиных. С охранной табличкой на фасаде. Этот памятник, зная эпопею вашей битвы за него, я бы назвала памятником вашему упорству, энергии и бескомпромиссности...**

— Может быть, знакомство мое с этим домом, с потрясающей историей рода Губкиных, историей чаддонского корня в Кузбассе и привели меня в свое время в общество охраны памятников. Да, шум был большой, дом отстояли, табличку повесили. И то, что в нем сейчас курсы усовершенствования работников истории культуры — очень хорошо, пристойно. Знаете, Достоевский сказал, что «человек есть тайна». Мне кажется, это относится и к любому памятнику. Биография любого из них — тайна. Они свидетельства героического и прекрасного, преступного и ужасного. Я думаю, что этот День защиты не только и не столько памятников, сколько памяти, памятности, нравственного начала — в человеке. Ведь сами по себе памятники мертвы. Живыми свидетелями они становятся лишь тогда, когда сохранена людьми память о том и о тех, с кем они были связаны.

